

ГЛАВА 1

Я от всей души благодарю вас...

Штеттин, 1739

— Фике! Фи-и-ике! Мадемуазель ждет!

— Иду, — девчонка, досадливо махнув рукой, повернула к дому.

Она представила себе, что сейчас скажет нянюшка, и поморщилась. Увы, каждое еще не произнесенное слово было чистой правдой: и бегают взапуски наравне с мальчишками, сыновьями простых бюргеров, и волосы в беспорядке, и башмаки, дорогие, какие не всякий богач своим детям купить может, стоптаны почти до дыр, так скоро в дырявых и будешь ходить, глупая девочка...

Но что же делать, если ей невыносимо скучно в компании своей бонны, если унылы и беспросветны уроки пастора? Что делать, если наставления мадам начинаются

и заканчиваются горестным вздохом: «Ах, дурочка, как же с твоим-то характером будет житься... Добро еще, если найдется достойный жених...»

Конечно, и мадам, и бонна были отлично осведомлены, кто именно передан на их попечение — принцесса, наследница титулов, София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская... Увы, это были лишь звонкие титулы, ведь само-то княжество можно пересечь из конца в конец за день, даже не устав. Да и доходами оно отнюдь не блистало.

Поэтому и великий князь Христиан, суровый отец малышки Фике, служил полковником в войске своего куда более коронованного родственника Фридриха Второго. Поэтому и бегала по улицам Штеттина девчушка, которую ожидает удивительная, необыкновенная судьба. Судьба, более похожая на сказку, если, конечно, читатель согласится, что бывают сказки и без счастливого конца...

Но сейчас об этом говорить еще рано. Сейчас малышка спешит на скучный урок, где ей будут преподавать если не полные ничтожества, то люди препустейшие. Впереди длинный день, заполненный нотациями, спорами с пастором, скукой... Умница Фике не ждет от этого дня ничего хорошего, как, впрочем, ни от одного из тех, что уже прошел. Даже появление матушки, юной Иоганны, не станет отрадным. Хлестко пахнущая духами рука,

быть может, еще погладит Фике по волосам. Но ни на какое тепло, увы, надеяться не приходится.

«Матушка, как обычно, будет торопиться. Ну что ж, потерпим. Ведь когда-то, я чувствую это, все изменится. И она будет искать моего внимания так, как сейчас мечтаю я о ее теплом взгляде...»

Нет, это был не пророческий дар, не предвидение грядущего — все девчонки хоть раз в жизни мечтают о чем-то подобном. Мечтают о нежности, с которой матушка прижмет к себе, о сочувствии, с которым выслушает... Наконец, о том, что увидит в дочери продолжение самой себя.

Но сейчас, увы, это лишь пустые мечты. Ни герцог Христиан, суровый и не улыбочивый, ни мать, Иоганна, взбалмошная и куда более беспокоящаяся о своих нарядах, чем о дочери, не обращают внимания на Фике. А вот матушкин амант (да, Фике вполне осведомлена о тайне сердца своей матери) господин Иван Бецкой, в отличие от самой матушки, все же находит время, чтобы побеседовать с девочкой. Волею судеб изгнанник, он с удовольствием рассказывает о своих путешествиях, о холмах Италии и о горах Греции, о всегда прохладной Англии и истомленной глициниями Бургундии. Видя искренний интерес юной своей собеседницы, пытается сопоставлять законы и верования, уважая ее возраст, — простыми словами объяснить вещи такими, какими видит их сам.

Быть может, именно из этих бесед и родилось серьезное отношение юной Софии к предметам, которые для девушек считались слишком «мужскими», — политике и праву, рабству и равенству. Однако сейчас Фике с тяжелым вздохом возвращалась в свою комнату, где с минуты на минуту должна была появиться ее наставница.

Нянька, которую маленькая София когда-то считала своей доброй матушкой (называя Иоганну мысленно всего лишь глупой старшей сестрой), поджидала ее с кувшином теплой воды и свежим полотенцем.

— Дочечка, вы опять играли во дворе, вы опять вымазались так, как не всякий мальчишка может... Давайте же быстренько умоемся и приведем в порядок ваше платье. Госпожа наставница терпеть не может грязненьких...

— А ты, добрая моя Анхен, ты любишь грязненьких?

Нянька улыбнулась.

— Я люблю только одну грязненькую... Ее зовут Фике, и она страшная болтушка. Хотя, признаюсь честно, даже ее я сильнее люблю, когда она умыта и причесана.

Мягкие руки няньки успели за несколько минут привести волосы девочки в порядок, утереть ей личико. Куда-то сами собой испарились уличные башмаки, а на ноги девочки как-то незаметно наделись теплые домашние туфельки.

— Ну вот, теперь моя маленькая Фике куда больше похожа на прилежную ученицу.

Входящая в комнату учительница французского, сухая и унылая мадемуазель Кардель, менее всего готова была с этим согласиться. Однако сегодня ей было не до нотаций в адрес какой-то неотесанной деревенщины, каковой она числила няньку своей ученицы. Ибо и сама только что была вынуждена выслушать от господина Христиана нравоучительную тираду, в которой он сравнил ее (ее!) преподавание с размазыванием холодной вчерашней каши по грязной тарелке.

— Запомните, милочка, столь нерадивые учителя в моем доме не задерживаются!

Вот что посмел сказать этот напыщенный тупица! Хотя и сам, уж мадемуазель Кардель хорошо это знала, был человеком весьма недалеким. Ограниченным и ленивым, более всего гордившимся древностью своего рода и считавшим, что эта древность сама по себе есть неоспоримое преимущество его, принца Христиана Августа.

Одним словом, принц отчитал госпожу Кардель как девочку, однако при этом отчего-то не поднимал глаз от ее декольте, по последней моде отделанного узкими кружевами. Быть может, поэтому нотация не столь заметно испортила француженке настроение, как могла бы.